

В. А. Медюлянова

Минский государственный лингвистический университет, Минск,
Беларусь

О КАТЕГОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматривается такая категория в японском языке, как коммуникативная ответственность, под которой с лингвистической точки зрения в рамках настоящей работы понимается совокупность видов, способов и средств маркирования сферы ответственности говорящего за правдивость его сообщения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *коммуникативная ответственность; эпистемический; декларативная модальность; правдивость высказывания.*

Феномен коммуникативной ответственности не является широко и часто обсуждаемым в научном лингвистическом дискурсе, но упоминается в работах по исследованию речевых актов, эпистемических предпосылок высказывания и прочих модальных аспектов речевой деятельности. Выражая идею коммуникативной ответственности автора высказывания на примере цитации, А. Н. Баранов пишет, что «произнося речевой акт как «свой», мы берём на себя ответственность за то, какие изменения он произведёт в реальности и, конечно, в сознании *адресата*. Произнося же высказывание как «чужое», мы снимаем с себя, по крайней мере, часть коммуникативной ответственности» [1, с. 115–116].

Под языковой категорией коммуникативной ответственности в рамках данной работы понимается совокупность видов, способов и средств маркирования сферы ответственности говорящего за правдивость его сообщения. Иначе говоря, маркеры этой категории показывают, берет говорящий на себя ответственность за сказанное либо дистанцируется от нее. Приведем три примера утверждений:

- (1) *Маша любит яблочный пудинг.*
- (2) *Маша сказала, что любит яблочный пудинг.*
- (3) *Маша, видимо, любит яблочный пудинг.*

Если эти три сконструированных предложения «погрузить» в дискурс, то получится, что в примере (1) говорящий заявляет о вкусах субъекта *Маши*, не приводя никаких оснований для своего высказывания, и берет ответственность за правдивость сообщения на себя, как бы предлагая верить на слово. В примерах (2) и (3) говорящий, эксплицируя основания для пропозиции, объективирует смысл сказанного и тем самым дистанцируется от ответственности за правдивость утверждения.

Исследование данной категории представляется особо актуальным для японского языка, имеющего на разных уровнях множество эвиденциальных, презумптивных и иных маркеров, посредством которых обозначаются эпистемические основания для высказывания. Японские исследователи отмечают, что предложения, не содержащие эвиденциальные, презумптивные и прочие модальные элементы, следующие за заключительным глаголом или предикатной связкой *desu, da* либо их формально-стилистическими вариантами, в речи звучат довольно декларативно, несмотря на их грамматическую безупречность [2, p. 78]. Эти наблюдения позволяют определить подобные единицы речи как предложения с декларативной модальностью.

Таким образом, декларативная модальность предполагает утверждение, ответственность за истинность которого говорящий берет на себя, что выражается в японском предложении наличием в нем глагола или связки *desu* (либо ее формально-стилистических вариантов) в конечной позиции и одновременное отсутствие эвиденциальных, презумптивных и других частиц либо лексических средств, маркирующих основание для пропозиции и тем самым смягчающих категоричность высказывания. Рассмотрим следующие пары примеров с декларативной модальностью (сконструированные предложения (4), (6)) и без нее (аутентичные примеры из японского устного дискурса (5), (7)).

(4) **O-tenki ga ii desu*. '[Я заявляю, что] погода прекрасна'.

(5) *O-tenki ga ii desu ne*. 'Погода прекрасна, [не правда ли?]'.

(6) **Kon'ya wa kyokuchou no o-taku de wain no kai desu*. '[Я заявляю, что] [у меня] сегодня вечеринка в доме начальника отдела'.

(7) *Kon'ya wa kyokuchou no o-taku de wain no kai desu kedo*. '[Вообще-то] [у меня] сегодня вечеринка в доме начальника отдела'.

Все приведенные выше предложения являются грамматически верными. Однако фраза (4) едва ли может использоваться в дискурсе, поскольку игнорирует точку зрения адресата. Вместо нее используется фраза (5), содержащая контактоустанавливающую частицу *ne*, указывающую «на просьбу говорящего подтвердить некоторое общее знание или согласиться с ним» [3, с. 460]. Фраза (6) является ответом на вопрос *Какие у Вас планы на сегодня?* и в таком виде может предполагать следующий дополнительный смысл, вытекающий из декларативности высказывания: *Не рассчитывайте на меня и т.п.*, что невежливо. Поэтому говорящий употребляет после связки *desu* суггестивную частицу *kedo* (пример (7)), восходящую к противительному союзу *no*, смягчающую категоричность сказанного [3, с. 467–468].

Таким образом, с учетом определения декларативной/недекларативной эпистемической модальности японского предложения, которая характеризуется соответственно отсутствием/наличием эксплицитных оснований для пропозиции и может выражаться грамматически, представляется правомерным постулировать существование в японском языке грамматикализованной категории коммуникативной ответственности. Маркеры данной категории

показывают, берет говорящий ответственность за правдивость сказанного на себя, утверждая что-либо безосновательно, либо дистанцируется от этой ответственности, частично эксплицируя (насколько это возможно сделать с помощью грамматических показателей) основание для своего утверждения. Значительный инвентарь лексико-грамматических средств рассмотренной категории, широко представленных как в системе языка, так и на коммуникативно-дискурсивном уровне, свидетельствует о важности разграничения сферы ответственности за сказанное в японской национально-языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А. Н. Заметки о *дескать* и *мол* / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114–124.
2. Trent, N. Linguistic coding of evidentiality in Japanese spoken discourse and Japanese politeness : diss. ... Dr. of Philosophy / N. Trent. – Austin, 1997. – 471 p.
3. Алпанов, В. М. Теоретическая грамматика японского языка : в 2 кн. Кн. 1 / В. М. Алпанов. – М. : Наталис, 2008. – 560 с.